

Известия. — 1999 —
17 апр. — с. 7

Пока еще не оркестр Спивакова

Российский национальный на пороге прощания с Михаилом Плетневым

Петр ПОСПЕЛОВ

Новость о том, что плетневский оркестр перестает быть плетневским, уже неделю остается главной сенсацией московской музыкальной жизни. По мировым меркам, казалось бы, что особенного — главный дирижер не захотел продлить контракт, на его место приходит другой, так бывает во всех оркестрах мира. К тому же смена будет плавной: в следующем сезоне Плетнев еще проведет 3–4 свои программы, не считая давно запланированных гастролей; всего три концерта в Москве проведет с оркестром его новый шеф Владимир Спиваков. Однако воспринимать ситуацию по-западному взвешенно трудно: Российский национальный все восемь лет своего существования воспринимался именно как детище Плетнева и как знак совершенной им революции: независимый от государства оркестр добился впечатляющих высот и, обогнав оркестры прежней формации, стал мировым представителем русской национальной классики. Чем из этого сможет воспользоваться Спиваков и что он привнесет со своим приходом — этот вопрос уже будоражит воображение и окрашивает текущие события в драматические тона.

Каждый из участников ситуации смотрит на нее по-своему. Михаил Плетнев, вероятно, испытывает облегчение, предвкушая радость свободного творчества и избавляясь от тягостной необходимости улыбаться спонсорам, отсиживать на пресс-конференциях и подписывать компакт-диски — что при его сумрачно-мизантропическом нраве у него никогда хорошо не выходило.

Владимир Спиваков, наоборот, полон энтузиазма: все вышеперечисленное ему удается блестяще, а главное — его творческий путь входит в новое большое симфоническое качество. Дирекция оркестра (или, точнее, фонда под названием «Российский национальный оркестр») рассчитывает на то, что умеренная посещаемость плетневских концертов сменится забытыми до потолка восторженными амфитеатрами; надеется прибавить к своему активу внушительный пласт мировых связей со спонсорами, друзьями и фирмами, которыми располагает Спиваков; а также упо-

ВИКТОР АХЛОМОВ

Михаил Плетнев, Российский национальный оркестр и Академия хорового искусства. Фото на память

вает на его влияние в кругах московской власти, от которой до сих пор, несмотря на многие попытки, оркестру пока не удалось получить никакой поддержки. В подвешенном состоянии находятся изрядно растерявшие свой класс спиваковские «Виртуозы Москвы»: или Российский национальный прибавит к своим организационным достижениям муниципальный статус и тогда вытеснит их (а влиться в состав большого оркестра смогут лишь несколько «виртуозов») — или же они просто останутся без художественного руководителя. Музыканты Российского национального, напротив, смотрят в будущее со скупой надеждой: концертов и гастролей, наверное, прибавится, а кто стоит за дирижерским пультом — пианист или скрипач, — особой разницы нет. Знатоки и ценители, разумеется, в шоке: теперь, того гляди, в шестом ряду партера будут сидеть Кобзон и Алибасов, а зал будет взвизгивать от восторга при одном выходе любимого артиста — неважно, с кем и в каком качестве. Публика же плетневского оркестра пока, может быть, и не знает, что концерты, подобные тем двум, что прошли на этой не-

деле в Большом зале Консерватории, — знак уходящей плетневской эпохи.

Под занавес своего альянса с оркестром Плетнев сделал две программы — редкие и, что свойственно ему, концептуально, вопиюще несовременные. Тихий и послушный зал, далеко не полный, внимал раритетам рубежа веков: Плетнев воздавал должное малоисполняемым опусам, о которых имел свое мнение. Он настаивал, что Первая симфония Рахманинова, рапсодичная и водянистая, скрывает ту же красоту, что и его же популярные вещи. Что наивный, несамостоятельный Фортелянный концерт Римского-Корсакова — играющая гранями жемчужина. И, наконец, что Танеев — великий композитор, без которого не обойтись человеческому духу, ведущему личный разговор с Богом без тени позы или официальной религиозности. Нельзя сказать, что исполнение везде было отшлифовано до блеска — хотя глубокий и полный звук оркестра, растущий с контрабасового дна, пропитанный мягкими аккордами медных и увенчанный цветущей парикмахерской верхних голосов, был хорощ повсюду.

Запомним танеевского «Иоанна Дамаскина» и, скрепя сердцем, отметим главную неудачу: Плетнев фатально не совладал с гигантской по составу и сложности кантатой Танеева «По прочтении псалма». Видимо, восьми лет за пультом оказалось недостаточно, чтобы победоносно руководить огромными оркестровыми и хоровыми массами (вспомнилась аналогичная досада с Девятой Бетховена).

И неудача с Танеевым, и опасный туман, в который ныне отправляется Российский национальный с новым руководителем, — симптомы парадокса наших переходных лет. Европейского уровня оркестр возрос и ищет дальнейшие пути в ситуации отсутствия лидеров дирижерского пульта. За исключением Гергиева и более локального Колобова, в России нет дирижеров среднего поколения, сочетающих органический дар, профессионализм и харизматическую известность. Остается надеяться, что совокупностью усилий знаменитого скрипача, дальновидной дирекции и в немалой степени приглашенных дирижеров оркестр сохранит лицо и не потеряет своего места в новой жизни.